

Детский дом в г. Уральске, в котором воспитывался Назиб Жиганов

Из записных книжек композитора

Назиб ЖИГАНОВ

Вобла

Стояла ужасная жара! Дышать было нечем. Небо было какое-то пустое. Оно больше походило на дешевый синий материал, который выцвел от солнца.

Солнце выжгло все. Улицы были пусты. Был голод... Ведь шел 21 год.

Наш детский дом находился в доме бывшего богача Сайткулова.

В городе свирепствовала холера... Из нашего детдома каждый день увозили 5–6 человек. Детей складывали в фургон, как дрова, и везли за город к кирпичному заводу. Там находились бараки, превращенные: часть — в больничные палаты, часть — в мертвецкие. Мы, оставшиеся, с ужасом ждали своей очереди. В фургон складывали не только умерших, но и еще живых. Лечить было нечем и некому.

Наши воспитатели кипятили для нас воду и давали по утрам, на целый день, кусочек какого-то хлеба, размером немного больше спичечного коробка. Больше нам нечего было дать... У каждого из нас был маленький мешочек, который висел на шее.

Назиб Жиганов. Середина 20-х гг.

Этот хлеб мы крошили и клали в мешочек и по крупиночке поедали.

Многие из нас не выдерживали. Мы уходили в город в поисках картофельной кожуры (около больничных кухонь) и головок от воблы.

Некоторые мальчишки научились воровать. Они бегали на базар и тащили все, что можно съесть. На базарах продавали пирожки, воблу и еще много-много разной еды.

В городе развелось множество мух. Они были «хозяевами» города. В воздухе стоял от их полетов какой-то звук «з-з-з-з-з-з-з...».

Мои товарищи, видя, как я страдаю от голода, уговаривали, чтобы я тоже пошел на базар и начал, как и они, воровать. Они говорили:

— А что делать? Не умирать же!..

— Ты же не бери много, возьми немного и тикай.

— Иногда, правда, ловят и бьют, а ты не отдавай — ешь быстро, что своровал.

И я не выдержал.

Пройдя соответствующий инструктаж у опытных детдомовцев, пошел на рынок («сенной базар», что находился за городским театром).

Я шел, как на пытку. Мне казалось, что я иду по горячим углям. Прошелся несколько раз по торговым рядам. Мой взор упал на жирную, большую воблу. Кроме этой воблы я уже ничего не видел. В моем воображении эта вобла была сказочной. Я уже чувствовал ее вкус. Меня удивило то, что никто меня не гнал. Вероятно, я не вызывал подозрения — не был похож на вора.

Что же делать?.. Как же словчиться и незаметно украсть эту самую воблу, вкуснее которой ничего нет на свете?!

На какой-то миг я забылся. Я не помню, как все это произошло. Только помню, что в моей руке эта самая вобла, и я бегу, бегу, бегу. Мне кажется, что весь базар бежит за мной. Я слышу, как кричат:

— Держите его, он вор! Он украл самую хорошую воблу. Держите, держите...

В ушах стоит звон, сердце вот-вот выскочит. Оно бьется об мои ребра.

Я бегу через весь город и, где-то левее моста через реку Чаган, вижу пустырь, а там — развалины какого-то каменного дома, и я останавливаюсь... Все стихло... Меня никто не преследует...

Я сжадностью набрасываюсь на воблу, съедаю ее, и... меня стошнило.

Я горько, горько плачу...

.....

Больше никогда я не воровал.

Казань, 18 июля 1962 г.

Соленая простокваша и музыка

Вам, наверное, покажется очень странным такое название рассказа. Я вас понимаю... А знаете ли вы, дорогие мои, что из-за этой соленой простоквашы я однажды возненавидел музыку? И только в семнадцать лет начал заниматься ею всерьез, музыкой, которой, как потом оказалось, посвятил всю свою жизнь.

Дело было так...

К нам в детский дом стала приходиться одна очень симпатичная старушка. Она нам играла музыку, о существовании которой я и мои друзья даже не знали, да и не могли знать. А играла она нам Моцарта, Бетховена, Гайдна... И эта старушка стала нас учить музыке. Учились, главным образом, девочки, а из мальчиков — один я. Учительница приходила один раз в не-

делю, а нас, желающих заниматься, было много, и толку от этих занятий было мало.

Эта милая старушка полюбила меня и стала приглашать к себе домой. Она жила одиноко в маленьком каменном доме. В свое время она окончила с отличием Петербургскую консерваторию и получила Рубинштейновскую премию — рояль. Фамилию ее помню — Светчина, а вот имя и отчество забыл. Она вышла замуж за военного, который был послан царем служить в город Уральск. С мужем они прожили счастливую жизнь. Муж умер еще до 17-го года, а детей у них не было.

Она обещала, ежели я буду заниматься добросовестно музыкой, оставить мне все имущество, дом и рояль после своей смерти. Она верила в мои музыкальные способности.

Новогодняя елка

Кажется, это было в 1922 году. Нас, голодающих детей из Казахстана и Поволжья, спасая от голодной смерти, отправили в Смоленскую область. Группа, в которой был я, оказалась в местечке близ города Рославль, примерно в пяти километрах от него. Мы жили в бараках, в которых в 14-ом году, во время войны, размещались солдаты. Каждый барак вмещал до трехсот человек.

Один из детдомов, находящихся неподалеку, под Новый год пригласил к себе на елку детей из нашего детдома. За нами (а было нас человек тридцать) прислали около десяти подвод, запряженных лошадьми. Одели нас, как могли, завернули в одеяла, и мы поехали в гости.

Вечер был морозный, пути — километров двенадцать-пятнадцать. Прибыли мы вовремя. Детдом, в который нас пригласили, занимал отличный двухэтажный дом — бывший дворянский особняк. Приняли нас тепло. Меня, как «пианиста», окружили особым вниманием. И старшие мальчики, затащив в какую-то даль-

нюю комнату, стали меня угощать куревом. Табак был самосад. Я кашлял, текли слезы, но не хотелось терять уважения старших, и я терпеливо выдерживал особое к себе внимание и курил эту гадость...

Начались игры, танцы, — в общем, веселились. Я играл всякие польки и другие, модные в те годы, танцы. Воспитатели были очень довольны, что мы приехали. А меня обнимали, целовали и говорили: «Ах, какой чернявенький, милый мальчик». Или: «Оставьте его у нас. Мы его будем беречь»...

Потом каждому из приехавших выдавали чудесные подарки, а я в это время играл, — импровизировал марши. Все были довольны, кругом царил детская радость. И в этой радости забыли одного человека, который весь вечер играл на фортепиано, веселил всех: мне не дали подарка... А моя детская гордость и мысли не допускала, чтобы сказать об этом кому-либо.

Нас опять одели и посадили в сани по два-три человека. Домой двинулись уже ночью. Я сел в самую послед-

Когда я приходил к ней, — часто это было вместе с моим детдомовским другом Иваном Павловым, — она угощала нас соленой простоквашей. Я ненавидел эту простоквашу! Но она говорила, что это очень полезно, и что она всю жизнь ест простоквашу только в соленом виде. И эта проклятая простокваша соленая отбила у меня всю охоту к музыке, и я перестал бывать у нее дома. А когда она приходила к нам в детдом, я убегал. Конечно, я не знал тогда, что ради музыки можно и нужно было все стерпеть...

А она была чудной старушкой и, несмотря на свои семьдесят лет, ходила по детским домам и сеяла музыкальные зерна. И верила, что они взойдут...

ную повозку. В горле стоял комок, в глазах — слезы. На душе — мировая скорбь...

Едем. Справа — темный лес, слева — бескрайние поля. Ночь. Ярко светит луна. Жутко: вдруг из леса выбежит волк! На одном из поворотов сани стучаются обо что-то, — и я лечу головой в сугроб. Пока я, барахтаясь, вылезаю из сугроба, лошадь уже ускакала. Я кричу. Меня не слышат. А ведь на ногах — ботиночки, да и пальтишко на рыбьем меху. Я бегу, кричу, плачу, конечно. Жутко: теперь-то меня уж наверняка съедят волки...

Доехав до деревни, наши воспитатели решили остановиться, — обогреть ребят. Стали считать — одного не хватает. Поехали искать и нашли меня, почти замерзшего, успевшего уже отморозить руки и ноги. Я как-то смутно помню, что меня оттирали снегом. Ну и оттерли, конечно...

А что мне не дали подарка, я так никому и не признался, — сказался характер.

Ноябрь, 1967 г.

Как я принимал госэкзамены в Саратовской консерватории

Не помню точно, но кажется, это был 1958 год. Стояла невероятная для мая жара. Мне позвонили из Москвы и просили, причем очень просили, поехать в Саратовскую консерваторию председателем ГЭКа. Я отказывался, т.к. у нас самих уже вот-вот начинались госэкзамены. Москва же настоятельно просила. В Саратов должен был ехать Давид Ойстрах. Он постоянно ездил в Саратов, как Гольденвейзер — в Тбилиси. Случилось так, что Ойстраху надо было срочно вылетать на концерт в Лондон. Пришлось дать согласие, и я поехал в Саратов, где жара стояла пуще, чем в Казани.

Меня встретил бывший преподаватель Казанской консерватории Н. Пуриховский. Он мне сообщил, что их ректор, доцент Заливухин, хоровик, попросил его, Пуриховского, написать мою биографию. Я понимал этого ректора — вместо Ойстраха приезжает из Казани неизвестный хоровику Заливухину профессор. Да еще татарин...

Заливухин представил меня членам ГЭКа. Те вежливо поклонились,

но ни один из них не подал мне своей драгоценной руки. Ну что ж, я — человек бывалый, решил держать себя скромно, но не теряя своего достоинства. Вкратце изложил нашу задачу и попросил дать мне приказ о допущенных к экзамену выпускниках. Полное замешательство...

Все разволновались: Как?.. Зачем?.. Оказывается, у них «это» не практиковалось. Тогда я потребовал список выпускников, а также их личные дела и сведения о выполнении ими программы ВУЗа. И здесь оказался полный хаос. Все забегали. Заливухин совсем растерялся. Я предупредил, что пока не будет приказа и личных дел выпускников, госэкзамены не начнутся.

К десяти часам следующего дня, к началу заседания ГЭКа, документы были приведены в некий порядок. Два выпускника не имели среднего образования, и мне, как ни жаль было, пришлось их отстранить от экзамена.

Ойстрах присутствовал на экзаменах только у струнников. Я же ходил на все экзамены, и заставил делать

это всех членов государственной комиссии. Мы хорошо поработали, и к концу экзаменов все педагоги меня ну просто полюбили.

После окончания экзаменов мы с одним из старейших педагогов вышли на балкон. Я рассказал ему, как в 1926 году я, не имея ни малейшего представления, что означает собой слово «консерватория», приехал из детдома города Уральска поступать в эту самую консерваторию.

Меня допустили до экзаменов (мне было уже 15 лет!). Попросили сыграть мою программу. Нот я тогда не знал и все играл «на слух». Сыграл я вальс Дюрана и какую-то польку. В зале стоял страшный хохот. Мне сказали, что я — по своим пианистическим данным — гожусь лишь для поступления в детскую музыкальную школу...

Мой «балконный» собеседник, выслушав меня, сказал: «Назиб Гаязович, что же Вы не обратились прямо ко мне, ведь я как раз в то время был директором?..»

Ноябрь, 1967 г.

Несколько слов об Ахмате Файзи

Моя творческая биография связана с выдающимся татарским поэтом, отдавшим много сил и знаний для развития профессионального оперного и балетного искусства, Ахматом Файзи.

У каждого человека бывает много знакомых, но увы, — среди них редко настоящие друзья, которые разделяют с тобой свою мечту, творческие убеждения и стремления. Для меня такими друзьями были Ахмат Файзи и Муса Джалиль.

Да, действительно, моя творческая биография связана с именем А. Файзи.

Открытие оперного театра в истории татарского народа нельзя представить без этого имени. Опера «Качкын», которой открывался театр, написана на либретто А. Файзи.

А. Файзи, живя в Калашном переулке Москвы, часто посещал Большой театр, еще чаще бывал в Большом зале Московской консерватории. Он любил симфоническую музыку: венских классиков, музыку великих русских композиторов — Чай-

ковского, Глинки, Римского-Корсакова, Рахманинова. Он скрупулезно изучал либретто «Кармен» Бизе, очень глубоко вникал в тайные связи либретто и музыки в операх Дж. Верди. Блестяще знал музыку и либретто идущих на сцене опер Чайковского, Римского-Корсакова. Любил оперу Рахманина «Алеко».

Мне было работать с ним, так как зная, природу оперного искусства, он был удивительно внимателен к моим предложениям. В его тексте не было лишних слов, все слова были крепко связаны с музыкальной драматургией.

Ахмат Файзи написал для меня либретто опер «Качкын», «Поэт». Опера «Поэт» о Мусе Джалиле в тревожное время, когда многие «друзья» поэта поверили, что Муса перешел в лагерь немцев. Ни я, ни Ахмат Файзи не верили слухам, и именно в эти дни мы написали оперу, прообразом героя которой, Ниаза, был Джалиль. Зрители поняли наш замысел, и спектакль имел шумный успех (шестнадцать «аншлагов»!).

Кое-кого из его недругов (нет смысла называть их имена, хотя они и известны) такой успех оперного спектакля не устраивал, и эти люди сделали все, что могли, для снятия с репертуара оперы «Поэт». Они говорили: «Жиганов и Ахмат Файзи воспевают предателя». Оперу сняли. Но мы знали, что опера сыграла свою положительную роль.

Когда Андре Тиммерманс через посольство переслал в Советский Союз «Моабитскую тетрадь» казненного немцами Мусы Джалиля, нам было предложено восстановить на сцене оперу «Поэт», но мы категорически отказались. В наших руках были новые стихи нашего общего друга, и мы написали новую оперу «Джалиль» — как музыкальный памятник поэту-герою, отдавшему жизнь за нашу Родину.

Ахмат Файзи долгое время увлеченно работал над романом «Тукай». Он говорил мне: «Как только завершу свой роман о Тукае, мы с тобой, Назиб, напишем еще оперу, которая будет называться «Тукай».

С А. Файзи во время работы над оперой «Джалиль». 1955 г.

Ахмат Файзи был автором либретто не только наших совместных опер. Он был автором либретто балета «Шурале» с талантливой музыкой Фариды Ярулина и либретто балета «Кисекбаш» для композитора Р. Губайдуллина. Также он работал с композитором Дж. Файзи над музыкальной комедией «Идель».

Ни один из писателей и поэтов Татарии не отдал столько сил и таланта для создания национального музыкального репертуара, как сделал это Ахмат Файзи. Я думаю, что нашим музыковедам-историкам просто необходимо написать специальную книгу о роли поэта Ахмата Файзи в становлении

татарского оперного и балетного искусства.

Казань, 8 сентября 1982 г.

Дополнение

Кажется, за год до Декады татарской литературы и искусства в Москве мы с Ахматом Файзи жили и работали в доме творчества композиторов «Руза». Работали мы энергично и упорно. Утомившись, мы часто прогуливались с ним к Москве-реке, к тому месту, где в нее впадает река Руза. Но еще чаще мы совершали прогулки до Малеевки, где находился дом творчества писателей.

На нашем пути рос могучий Имән-Дуб, которым мы любовались и восхищались. Стояла осень, и листья дуба «ржавели», обретая схожесть с медью, которая будто звенела под ветром. Однажды, во время нашей остановки под этим дубом Ахмат прочитал стихотворение, которое так и называлось «Имән» и было посвящено Н. Исанбету.

Во время таких прогулок мы часто беседовали с ним о музыке, о литературе. Оказалось, что любимым его поэтом был Верхарн. Мне запомнилось его очень своеобразные высказывания о Льве Толстом, о Максиме Горьком. Из поэтов-современников тепло отзывался о Сибгате Хакиме.

Заметки о Баки Урманче

1. Вспоминаю 30-е годы Москвы: Кузнецкий мост, где в витринах магазинов выставлялись картины художников. Среди этих картин мое внимание привлекли полотна с подписью «Баки Урманче». Художник часто выставлял свои лирические картины, написанные маслом или акварелью.

2. Если не ошибаюсь, было это весной 37 года в Большом зале Московской консерватории, где симфонический оркестр исполнял (впервые) мою увертюру к опере «Качкын». Именно на этом концерте я и познакомился с Баки Идрисовичем Урманче.

Урманче был одним из тех любителей симфонической музыки, которых всегда можно было встретить в Большом зале консерватории. Несмотря на разницу в возрасте, мы стали друзьями. Эта дружба продолжается и по сегодняшний день.

Б. Урманче. «Болотница Сазут». 1980

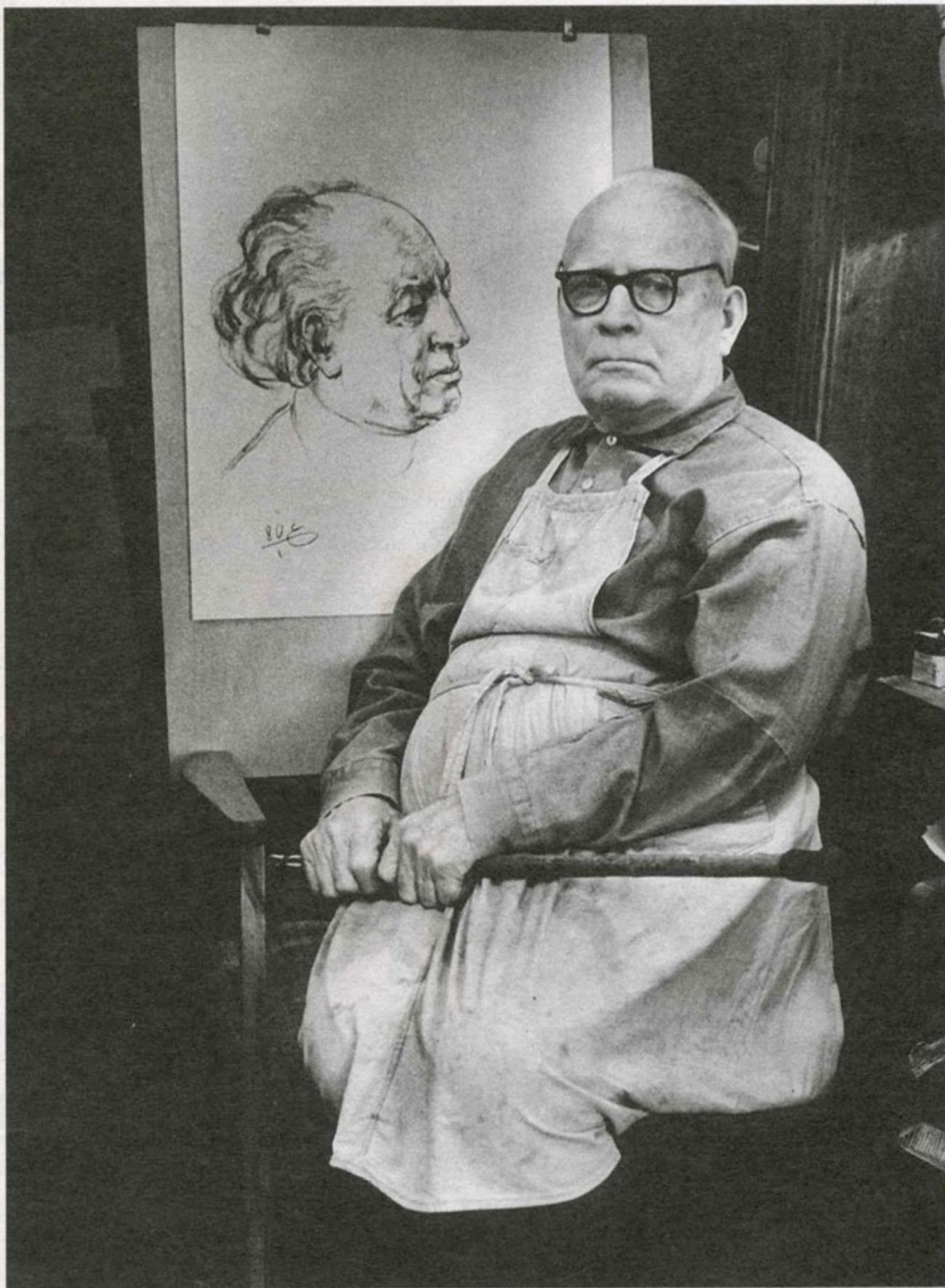
3. В 1958 году я с семьей жил в доме творчества композиторов «Руза» (под Москвой). Неожиданно ко мне приехал Баки Идрисович и сказал: «Я хочу слепить твою голову. Она мне нравится». Так появился мой скульптурный портрет, которым я очень дорожу и горжусь.

4. Баки Урманче — скульптор, живописец, график. Он пишет стихи, знает языки. Страстный любитель и большой ценитель музыки. А как он поет народные татарские и башкирские песни!!!

Видимо, поэтому его картины музыкальны. А его голова из дерева — «Сагыш» не только смотрится, но и звучит, как музыкальная поэма.

Казань, 1982.

**Во время работы
над портретом Н. Жиганова.
Январь 1980 г.**

**На персональной выставке
Баки Урманче. 28 марта 1982 г.**

Источник: *Н. Жиганов. Из записных книжек композитора // Казань. - 2001. - № 1. - С. 42-47.*